

Утром 1 июля 1789 года, после раннего завтрака, Луи снова стоял перед окном, по своему обыкновению любуясь видом Версаля.

Ему было интересно, каков был результат после обсуждения между его дорогими родителями, Людовиком XVI и его женой, и стоит ли пойти в кабинет короля, чтобы посмотреть, что там происходит?

А затем Луи задумался о причинах Французской революции, которые он еще не закончил вспоминать вчера вечером. Из того, что он узнал об истории Франции, Франция в 1789 году имела население около 24,5 миллионов человек, из которых первый класс духовенство, около 100 000 человек, второй класс дворянство, около 400 000, а третий класс включал весь остальной французский народ — более 20 миллионов крестьян с городскими купцами, ремесленниками и т.д.

Если сравнить Францию с акционерным обществом, то именно миноритарные акционеры держали Францию в течение многих лет и не только забирали прибыль компании в течении десятилетий, но и оставили ее с долгом в 4 миллиарда ливров.

Что касается валюты, то Французская валюта 1789 г. состояла из медных, серебряных и золотых монет. 100 медных монет были эквивалентны серебряной монете в один франк, называемой «ливр», которая стоила один фунт серебра. В обычный год буханка хлеба весом в 4 фунта стоила 8 ливр, а сегодня — 12 ливр. В 1788 году половина дохода бедной французской семьи уходила на хлеб, а в 1789 году — все 80%. Если бы он был французским простолюдином, ему пришлось бы присоединиться к революции, ведь любой нормальный человек знал бы, что выбрать между смертью от голода и смертью от революции.

Засуха весной 1788 года и град зимой привели к банкротству большого числа фермеров, потерявших урожай. Безземельные крестьяне и разорившиеся ремесленники стекались в Париж, чтобы выжить, и до Французской революции голод был единственным словом, которое было на уме у французского народа.

Очевидно, что его родители были бессильны справиться с текущей ситуацией во Франции, и единственным решением, которое они придумали, было повышение налогов. Но конечно, голодному народу это не понравилось, и король был успешно обезглавлен кровожадными толпами.

Задумчивость Луи прервал дворцовый слуга: «Ваше высочество, маркиз де Лафайет желает аудиенции».

Лафайет?

Видя, что Луи выглядел озадаченным, слуга напомнил: «Это член Национальной Ассамблеи, Ваше Высочество».

«Ух ты, впервые со мной общается Национальный советник, я должен с ним встретиться, хорошо было бы познакомиться». — подумал Луи. спросил: «Где он?».

«В гостиной, Ваше Высочество».

«Приводи его».

Войдя в гостиную и немного подождав, слуга вернулся с молодым джентльменом.

Это был красивый парень, высокий и стройный, с острыми глазами и лицом, которое, хотя и не улыбалось, не казалось жестким: «Приветствую вас, ваше превосходительство маркиз».

Луи взял инициативу в свои руки и шагнул вперед, чтобы пожать руку Лафайету.

Гостиная была не очень большой, тут стояло всего два дивана перед камином, не официальная гостиная, и он был всего лишь семилетним мальчиком, так что не стоит мечтать о личной гостиной.

Луи пригласил Лафайета присесть на диван: «Месье Лафайет, зачем вы сегодня здесь?».

«Я слушал вчера вашу небольшую речь в Совете и был заинтересован тем, что Вы сказал о той цитате Вольтера, которая, хотя я и не видел ее в прочитанных мною трудах Великого Вольтера, явно является истинным отражением мышления месье Вольтера. Поэтому я хотел бы попросить у Вас книгу, в которой записана эта цитата, чтобы я мог обратиться к произведению Вольтера, о котором я не знаю».

Книга? Он сам не читал почти ничего из книг Вольтера, разве вы не знаете, что мы, студенты 21 века, читаем только цитаты из известных людей, а не книги?

«Я не согласен ни с одним словом, которое вы говорите, но готов умереть за ваше право это говорить!». Говорили, что это знаменитая цитата Вольтера, но именно английская писательница Эвелин Холл впервые придумала эту «цитату».

Она процитировала его в книге «Друзья Вольтера», опубликованной в 1906 году. Позже она была вновь процитирована в другой книге, «Вольтер в письмах». Но позже Холл дала понять, что она «синтезировала» идеи Вольтера. Она опирается на «дело Эльвиры», когда Вольтеру не понравилась книга Клода Адриана д'Ливрея «О духе», он назвал ее «кучей беспорядочных мыслей автора», но когда книга философа-энциклопедиста была опубликована и подверглась нападкам со стороны церкви и властей, Вольтер выступил в ее защиту.

Так Холл, комментируя этот вопрос, написала: «Я не согласен ни с одним словом, которое вы говорите, но готов умереть за ваше право это говорить» — такова была его постоянная позиция с тех пор». Она «по ошибке» поставила этот свой комментарий в «перевернутые запятые», в результате чего потомки были вынуждены считать, что это цитата самого Вольтера. Сама Холл позже призналась в письме от 9 мая 1939 года, что она «по ошибке» поставила цитату в инвертированных запятых, и читатель понял ее неправильно. Она написала: «Слова, которые вы прочитали в моей книге «Вольтер в письмах»: Я не согласен ни с одним словом, которое вы говорите, но готов умереть за ваше право это говорить», — это мои собственные слова, и мне не следовало ставить их через запятую. Я нечаянно совершил ошибку, введя вас в заблуждение и заставив думать, что это цитата Вольтера. Пожалуйста, примите мои извинения».

Позднее письмо Холла было включено в книгу, опубликованную в 1943 году. Директор музея Вольтера в Женеве Шарль Вирц повторил эту историю в телевизионном интервью в 1994 году, чтобы доказать, что Вольтер никогда не говорил и не писал «знаменитую цитату».

«Итак, я могу ознакомиться с книгой?».

Луи ответил, несколько неуверенно: «Монсеньор Лафайет, со мной произошел несчастный случай, когда я ехал на лошади, и я не очень хорошо помню некоторые вещи, хотя я знаю, что цитата принадлежит Вольтеру, но я не могу точно вспомнить книгу, поэтому я скажу вам, когда вспомню, хорошо?».

Ответ Луи был немного разочаровывающим, и он, Маркиз, казалось, потерял интерес к разговору.

Но Луи знал, что он был в Америке: «Месье де Лафайет, вы были в Америке? Что это за место и знаете ли вы о Войне за независимость Америки? Что за страна сейчас Америка?».

Продолжая расспрашивать, Луи увидел, что маркиз, казалось, заинтересовался беседой: он не только знал об американской войне за независимость, но и сам принимал в ней участие.

Слушая о его опыте в Америке и войне за ее независимость от Британии, Луи думал: «Если в Национальном собрании полно таких республиканских бунтарей, а голодные горожане разбросаны по всему Парижу, то как может не вспыхнуть революция, если найдется хотя бы одна искра? Революции суждено случиться».

Национальное собрание обеспечило идеи и руководство революцией, а голодающие простолюдины по всей Франции обеспечили постоянный поток «солдат» для революции. Гильотина особенно четко выделялась в мыслях Луи.

Во время беседы с маркизом де Лафайетом он узнал, что в апреле 1776 британские североамериканские колонии восстали против британского правления и опубликовали Декларацию независимости, 19-летний парень сразу же загорелся желанием отправиться в Северную Америку и помочь американцам в их войне. Де Лафайет был богат, купил целый военный корабль, набрал группу людей и приготовился отплыть через море. Лафайет был не слишком стар, не слишком чиновен, но имел много денег и много славы, и его шаг был замечен англичанами. Франция еще не объявила войну Великобритании, и британский посол немедленно вмешался в дела Франции, чтобы остановить путешествие Лафайета в Северную Америку. Его отец, Людовик XVI, встал на сторону англичан и приказал запретить Лафайету покидать порт. В то время Вашингтон в США не мог сопротивляться, ситуация была не очень хорошей, и во Франции были люди, которые советовали Лафайету не ехать, чтобы он не стал пленником англичан.

Чтобы успокоить англичан, Людовик XVI даже приказал взять Лафайета в плен. Но Лафайет сбежал на своем корабле. Британцы отправили в погоню два военных корабля, но не смогли его догнать. После двухмесячного плавания, в июне 1777 года, корабль Лафайета высадился в Америке. Это привело его к участию в Североамериканской войне за независимость.

Месяц спустя, 31 июля 1777 года, Континентальный конгресс в Филадельфии постановил: «На основании его почтенной родословной ему присвоено звание генерал-майора в Континентальной армии». В то время это было самое высокое звание в армии США. Джордж Вашингтон, будучи главнокомандующим Континентальной армии, получил звание генерал-лейтенанта только в 1798 году. Очевидно, что американцы по-прежнему ценили блестящий аристократический статус Лафайета и, конечно, нуждались в его обширных социальных связях на старом континенте. Присоединившись к американской стороне в качестве аристократа, Лафайет явно повысил ставки Войны за независимость Америки. На следующий день Лафайет встретил своего друга на всю жизнь, Джорджа Вашингтона. Точно так же он стал хорошим другом генерала Александра Гамильтона, адъютанта Вашингтона.

Он участвовал в битве при Брендивайне 11 сентября 1777 года, руководил войсками в сражениях в Пенсильвании и Нью-Джерси. Там его похвалили за отличное командование отступлением в битве при Баррен-Хилле и за выступление при Монмуте. Во время командования экспедицией на Род-Айленд в августе 1778 года Лафайет получил официальную грамоту от Континентального конгресса.

С апреля по октябрь 1781 года он командовал американскими войсками в Вирджинии, используя собственные сбережения для оплаты ежедневных нужд своих солдат (примечание: бумажные деньги, выпущенные Континентальным конгрессом, в то время сильно обесценились). Он ловко завел британские войска генерала Луи Корнуоллиса в ловушку в Йорктауне, окруженном Континентальной армией Вашингтона и французским подкреплением под командованием адмирала графа де Рошамбо, в результате чего британские войска были вынуждены капитулировать, тем самым триумфально завершив Войну за независимость Северной Америки. Вашингтон оценил его действия при осаде Йорктауна как «если не идеальные, то, по крайней мере, славные».

Его история похожа на голливудский блокбастер, где он выступает в качестве главного героя, но даже такой человек остается ничтожеством перед Наполеоном Бонапартом, богом войны, не говоря уже о нем, Луи.

Возможно ли, что он был предназначен для гильотины?

В этот момент Луи был в состоянии отвращения. Он искренне ненавидел богов судьбы, которые заставили его проснуться в старой Европе.

Достаточно того, что его сбила машина, но его нужно было отправить в 18 век, чтобы французские неграмотные толпы отрубили ему голову.

<http://tl.rulate.ru/book/71880/1973787>